





Дни плавания тянулись слишком долго. Тихону хотелось побыстрее добраться до Репино. Он уже не сомневался — его друзья там.

— А мы не можем плыть побыстрее? — то и дело спрашивал он у пса Вениамина.

— «Белка» — старая баржа, а не современный скоростной лайнер, — отвечал Веня, — мы идём на максимальной скорости.

— Почему мы совсем не движемся? — спрашивал Тихон, когда баржа замедляла ход.

— Посмотри на небо. Будет ливень, а значит, большие волны. «Белка» не выдержит. Надо переждать, — терпеливо объяснял Вениамин.

— Ну какой ливень? На небе одно облачко! — возмутился Тихон. — Мы плывём по реке. Ну какие тут могут быть волны? Ладно бы ещё океан пересекали!

— Терпению вас в музее точно не учили, — бурчал Вениамин.

Однажды вечером Тихон вошёл в кают-компанию и замер на пороге. Нора накрывала ужин, как заправский кок. Марыся играла с Бубликом в прятки. Поросёнок прятался под стулом, а морская свинка делала вид, что его не видит. Бегала по каюте и громко кричала: «А где Бублик? Никто не видел Бублика? Куда же он спрятался?» Поросёнок под стулом радостно хрюкал. Сова Владимир Семёнович играл с Вениамином в шахматы. В последнее время оба полюбили эту игру и усаживались за партии каждый вечер. Владимир Семёнович не оставлял попыток собственным примером привить интерес к шахматам Бублику, но тот предпочитал прятки для малышей.

— Бублик, если ты спрятался под стулом, это не значит, что тебя не видно, — сказал Тихон. — Марыся, лучше бы научила его какому-нибудь





циркового трюку. Хоть какая-то была бы польза. Бублик смог бы потом в Театре зверей выступить. Веня, сколько можно думать над ходом? Возьми уже коня. Владимир Семёнович специально тебе поддаётся. Последние три партии точно. Нора, уж прости, но твоё новое блюдо — рыба, запечённая с клюквой, — это просто какой-то кулинарный кошмар.

Это же несъедобно! И зачем ты специально для Бублика поливаешь рыбу мёдом? Неудивительно, что его желудок потом урчит так, что даже я в соседней каюте это слышу. Он — свинья, пусть и миниатюрная. Разве свиньи едят мёд?

Бублик выбежал из-под стула, подбежал к Марысе, уткнулся в неё и начал хлопать пяточком.

— Тихон, ну зачем ты так зло? Что на тебя нашло? — возмутилась морская свинка, успокаивая поросёнка. — Бублик ещё совсем малыш, а детям нужны не только уроки, но и обычные детские игры. Не плачь, зайка, дядя Тихон просто не в себе, он не хотел нас обидеть.

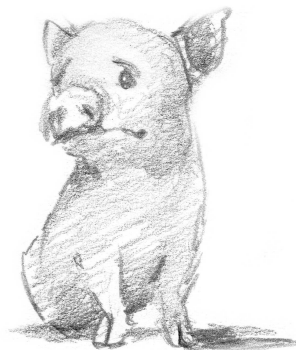
— Зайка... — фыркнул Тихон.

— Да, а ещё птичка, рыбка, солнышко, звёздочка и сокровище! — заявила Марыся. Она тоже, не сдержавшись, расплакалась. — Тебя мама разве не так называла в детстве?

— Пойду проверю курс, — сказал Вениамин, отказавшись продолжать партию в шахматы.

Владимир Семёнович тяжело ухнул.

— Тихон, ты знаешь, я тебя люблю, как родного



сына, но сейчас ты неправ. Совсем неправ. Ты сделал очень больно нам всем. Да, мы бываем особенно жестокими с родными, самыми близкими, думая, что они нам простят обидные слова. Но поверь старой сове, если больно тебе, не нужно делать больно тем, кто тебя любит.

Тихон подошёл к столу. Нора плакала от обиды.

— Прости, я не хотел, — прошептал он.

— Но обидел! — воскликнула Нора и убежала на кухню.

Тихон пошёл за ней.

— Не знаю, что со мной происходит. Не понимаю... Просто вы смеётесь, радуетесь, играете, будто ничего не случилось, будто всё нормально, а это не так! Мы плывём слишком медленно, — попытался объяснить он.

— Мы все стараемся, ради тебя в том числе. Жаль, что ты этого не понимаешь. Хочешь, чтобы мы все вели себя, как ты? Метались по палубе, изводили Веню, придирались, грубили, стали жестокими? Мы сейчас все в одной лодке и должны поддерживать друг друга во всём. Обязаны доверять друг другу. Если Веня считает, что лучше остановиться,

нужно к нему прислушаться — он капитан баржи, он отвечает за нашу безопасность. Если Марыся хочет играть с Бубликом в прятки, а Владимир Семёнович с Веней в шахматы — пусть играют. Если я нахожу успокоение в готовке, не надо меня этим попрекать. Да, мы звери, но не должны превращаться в злобных животных. Я тебя не узнаю в последнее время. Мы все многое пережили, но не обозлились.

— Прости, я знаю, что был неправ...

— Если ты ещё хоть раз позволишь себе подобное поведение, я попрошу Веню высадить меня в ближайшей деревне, — объявила Нора. — Кстати, сегодня я приготовила обычную рыбу, без клюквы. Хочешь — ешь. У меня пропал аппетит.

Нора убежала в свою каюту.

Тихон выбежал на палубу. Ему не хватало воздуха. Он не знал, как загладить вину перед Марысей и Бубликом, Вениамином и Владимиром Семёновичем, как снова завоевать доверие Норы. Ему казалось, что они никогда его не простят, даже если он попросит прощение сто миллионов раз.

— Я тебя понимаю, — ухнул рядом Владимир Семёнович. — Тебя страшит неизвестность. Ждут





тебя друзья или забыли? Правильное ли ты принял решение или ошибся? Ты боишься вернуться домой, не зная, что там увидишь. Это нормально. Но нужно верить в лучшее. Ты представляешь самый страшный сценарий: что Котовский не ждёт в Репино, что в музее никого нет. Но, знаешь, самые ужасные предположения никогда не сбываются. То, чего ты боишься больше всего в своих мыслях, не случается в реальности. Так думай о том, что тебя

ждут, любят. Мысли о плохом изъедают изнутри, а о хорошем — дают надежду и силу. Мне кажется, лучше жить надеждой... Я много лет так живу.

— Вы думаете, что встретите свою сову? Что она прилетит на ваш зов? Спустя столько лет? — Тихон всё ещё был зол на себя, на всех, на весь мир.

— Да, я в это верю, — признался Владимир Семёнович. — Иначе зачем я ещё живу на этом свете? Только это и держит.

Тихон собирался ответить, но сова уже улетел с палубы.



Ночью Тихону снился кошмар: будто он опять находится в музее, сражается с мышами. Те его схватили и тащат в подвал. Тихон проснулся, попытался встать, но тут же рухнул. Его лапы уже не во сне, а наяву были перемотаны верёвкой. Какие-то звери действительно тащили его в трюм. Там Тихон увидел Марысю, Нору и Веню. Они тоже были связаны.

— Что случилось?